

УДК 397

Ф.Б. Цогоева

F.B. Tsogoeva

**РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР
ВЛИЯНИЯ НА ПРОЦЕССЫ
АДАПТАЦИИ, ИНТЕГРАЦИИ
(ДЕЗИНТЕГРАЦИИ)
ГРАЖДАН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ
В УСЛОВИЯХ
МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ
ОБЩЕСТВА**

**RELIGION AS A FACTOR
INFLUENCING ADAPTATION,
INTEGRATION
(DISINTEGRATION) CIVIL
PERSONS
IN MODERNIZING
SOCIETY**

Статья посвящена рассмотрению материалов этносоциологического исследования, проведенного в марте 2011 года. Рассмотрены особенности влияния религии на процессы адаптации, интеграции (дезинтеграции) граждан-переселенцев в Республике Северная Осетия – Алания. Особое внимание уделено фактору полиэтничности и поликонфессиональности населения Республики Северная Осетия – Алания.

Ключевые слова: конфессии, межрелигиозные и межконфессиональные отношения, этнос, модернизация, христианство, ислам, традиционные религии, адаптация, интеграция, дезинтеграция, граждане-переселенцы.

The article considers the materials ethno-sociological study conducted in March 2011. Peculiarities of the influence of religion on the processes of adaptation, integration (disintegration) of the citizens-immigrants in the Republic of North Ossetia – Alania. Special attention is paid to the factors poly-ethnic and poly-religious population of the Republic of North Ossetia – Alania.

Key words: confessions, inter-religious and inter-confessional relations, ethnicity, modernization, Christianity, Islam, traditional religion, adaptation, integration, disintegration, citizens-immigrants.

Ф.Б. Цогоева

Кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН и Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН (г. Владикавказ).
E-mail: vesna_alania@list.ru

F.B. Tsogoeva

The Candidate of Sociology, Senior Researcher of the North-Osetiya Centre of social researches of Institute of sociopolitical researches of the RAS and the North-Osetiya institute of humanitarian and social researches name of V.I.Abaev Vladikavkaz's centre of science of the RAS (Vladikavkaz).
E-mail: vesna_alania@list.ru

© Цогоева Ф.Б., 2013

© Tsogoeva F.B., 2013

В сложной структуре межрелигиозных и межконфессиональных отношений в современном российском обществе наиболее существенное, причем возрастающее, значение имеют государственно-конфессиональные отношения, в основе которых лежат законодательно закрепленные представления о месте религии и религиозных объединений в жизни общества, об их функциях, о сферах деятельности и компетенции всех институциональных субъектов этих отношений, главными из которых, с одной стороны, являются религиозные объединения во всем их многообразии, с другой стороны, государство в лице специальных органов, уполномоченных законом в той или иной мере оказывать на них регулятивное воздействие. Отношения государства и религиозных объединений, регулируемые правовыми нормами, приобретают особую актуальность при разработке стратегии национальной безопасности. Несовершенство законодательства в этой сфере и недооценка таких взаимоотношений приводят к национализму, религиозному экстремизму, терроризму, а вместе с тем и к связанным с этим факторам – легализации незаконных доходов, наркомафии, торговле оружием и другим негативным последствиям.

Кардинальные перемены, произошедшие в общественно-политической жизни России в 90-е гг. XX – начале XXI в., затронули не только государственное и политическое устройство страны, но и существенным образом трансформировали сферу государственно-конфессиональных отношений. «Религиозное возрождение» в СССР во второй половине 80-х гг. начиналось с осознания обществом необходимости снятия ранее существовавших неправомерных ограничений на деятельность религиозных объединений. Несколько позже к заметно активизировавшейся после празднования 1000-летия христианства на Руси деятельности церкви и деноминаций добавились, с одной стороны, стремление властных структур заручиться поддержкой религиозных объединений для проведения социальных, экономических и политических реформ в стране, а с другой стороны, «встречное движение»: стремление отдельных религиозных объединений к более активному участию в политике и в различных областях общественной жизни.

Наращение отмеченных выше процессов в немалой степени обусловливалось также очень популярной в период горбачевской «перестройки» идеей, согласно которой привнесение в жизнь россиян религии в ближайшей перспективе положительно отразится на их морали, позволит устранить социальную напряженность в обществе, улучшить взаимоотношения между различными политическими группами. Для этого попросту необходимо осуществить так называемое «воцерковление» россиян, т.е. обращение их к религии, прежде всего к православию.

Минуло более десяти лет с того момента, как в Российской Федерации начался процесс демократизации в сфере свободы совести; значи-

тельное количество культовых зданий и имущества за эти годы возвращено религиозным центрам и верующим; религиозные объединения получили возможность широкого участия в общественной жизни. Все это отразилось на характере государственно-конфессиональных отношений: они стали существенной частью отношений государства с формирующимся гражданским обществом. От их состояния во многом зависит, установится или нет диалог между обществом и государственными институтами, следовательно, гражданский мир и согласие.

Вместе с тем негативные тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, связанные с наблюдаемыми сегодня феноменами политизации религии и клерикализации отдельных государственных институтов и сфер, требуют адекватного ответа на вопрос, в какой мере эти процессы отвечают современным мировым тенденциям и демократическим нормам.

Северный Кавказ – регион полиэтничный и поликонфессиональный, здесь представлены все мировые религии, но доминирующими конфессиями продолжают оставаться ислам и христианство. Здесь проживает более 50 народностей, отличающихся друг от друга не только языком, но и культурой, менталитетом. Среди 7 северокавказских республик христианство доминирует только в одной Северной Осетии, в остальных республиках доминирующей конфессией является ислам.

В РСО–Алания, по данным Управления Федеральной регистрационной службы по Республике Северная Осетия – Алания на 30.12.2011 г. зарегистрировано 82 религиозных объединения различного толка, из которых 26 православных, 15 – исламских, 4 – «Свидетели Иеговы», 8 – баптистских, 4 – христиане веры евангельской (ХВЕ), 9 – христиане веры евангельской (пятидесятники), 2 – католических, 2 – традиционных верований осетин (ассов) и др. Активной гражданской позицией среди религиозных организаций отличаются самые крупные организации в республике – Русская православная церковь и Духовное управление мусульман Северной Осетии.

Характерной особенностью Северной Осетии является поликонфессиональность единого народа – осетин. Если славянские народы, армяне и грузины относят себя только к христианской конфессии; ингуши, чеченцы, кумыки и азербайджанцы – к исламу; то осетины относят себя к 3 конфессиям: христианству, исламу и традиционной религии.

В постсоветский период Республика Северная Осетия – Алания, как и другие субъекты Российской Федерации, испытала значительные социально-политические перемены, которые затронули и религиозную сферу, оказали существенное влияние на систему взаимоотношений «личность – общество – государство». Процесс религиозного возрождения в республике идет параллельно с ростом самосознания этнонациональных

групп населения, поэтому становится актуальным вопрос об этноконфессиональной идентичности граждан. Недооценка органами власти роли религиозного фактора в данной сфере, несвоевременное реагирование на трансформацию этнополитической и этносоциальной ситуации усиливают конфликтогенность этноконфессиональных отношений в республике.

Новая религиозная ситуация, сложившаяся в регионе к настоящему времени, обусловлена ростом религиозности населения. Активизируя свою деятельность, религиозные объединения стремятся распространить влияние на все сферы общественной жизни, что вызывает неоднозначную реакцию общества и государства, привело к усилению конкуренции между конфессиями. Таким образом, сегодня религия и конфессиональные структуры превратились в существенный фактор общественно-политической жизни в республике. Активность, в том числе политическая деятельность религиозных организаций, особенно тех, которые охватывают своим влиянием десятки миллионов людей, обладают мощным и разветвленным пропагандистским аппаратом и имеют многовековой опыт воздействия на массы, не может не привлечь внимание ученых, политиков, общественных деятелей. Усиление сложности и проблемного характера современной религиозной и религиозно-политической ситуации объективно выдвигает на первый план задачу ее познания.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также поиском оптимальных для РСО–Алания форм взаимоотношений между органами исполнительной власти и религиозными объединениями в целях реализации в обществе принципа свободы совести и вероисповедания. В связи с этим значимым становится анализ развития государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия – Алания.

В мае–июне 2011 г. с целью изучения современного состояния государственно-конфессиональных отношений в Республике Северная Осетия – Алания и выявления основных тенденций их дальнейшего развития, Северо-Осетинским Центром социальных исследований ИСПИ РАН при финансовой поддержке Министерства общественных и внешних связей РСО–Алания было проведено этносоциологическое исследование на тему: «Государственно-конфессиональные отношения в Республике Северная Осетия – Алания: этносоциологический анализ».

Для достижения поставленной цели необходимо было выявить характер и содержание отношений между различными индивидами и социальными группами в зависимости от религиозной принадлежности, а также определить факторы влияния религии на различные типы социальной адаптации, интеграции (дезинтеграции) граждан-переселенцев.

В рамках данного исследовательского проекта был проведен массовый и экспертный опросы. Массовый опрос был проведен в г. Владикавказ и 8 районах Республики Северная Осетия – Алания. Целесообраз-

ный объем выборки составил 1000 респондентов в возрасте от 18 лет и старше (социально-демографическая, этноконфессиональная характеристики респондентов представлена в табл. 1). Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1 %, т.е. обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Для проведения опроса выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и этноконфессиональным признакам.

Таблица 1

Социально-демографическая, этноконфессиональная характеристики респондентов (в %)

ПОЛ		ВОЗРАСТ		ОБРАЗОВАНИЕ		НАЦИОНАЛЬНОСТЬ		КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ	
муж.	49,3	18–29 лет	21,2	Среднее и средне-специальное	47,5	Осетины	51,1	Православные	52,1
								Мусульмане	13,2
жен.	50,7	30–49 лет	40,7	н/высшее, высшее	52,5	Русские	28,6	Трад. осет. религия	20,2
								Нетрадиционные верования	6,0
		50 лет и старше	38,1			Другой нац.	20,3	Атеисты	8,5

В экспертном опросе приняли участие 10 экспертов: политологи, юристы, журналисты, лидеры общественно-политических движений, представители исполнительной и законодательной властей. Подбор экспертов, основным критерием которого были компетентность и широкий кругозор, осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний.

Участившиеся в последние десятилетия чрезвычайные ситуации (техногенные аварии, природные катаклизмы, локальные войны, террористические акты) привели к значительному росту числа пограничных психических расстройств, влекущих за собой утрату безопасности, уверенности в завтрашнем дне, смысла жизни. В этих условиях личность часто обращается к Богу, иногда как к последнему средству, в поисках защиты, обретения внутреннего покоя и осмысления собственного места в мире. Несмотря на то, что имеется достаточное количество примеров благотворного влияния религии на психоэмоциональное состояние человека, очень мало специальных исследований, посвященных влиянию религии на социальную адаптацию граждан-переселенцев, как правило, пострадавших в чрезвычайных ситуациях.

Социальная адаптация – процесс приспособления индивида (группы) к социальной среде, предполагающий взаимодействие и постепенное согласование ожиданий обеих сторон. Адаптация социальная имеет целью

обеспечение устойчивости, традиционности, повторяемости социального опыта, а также его изменение на основе инновационного обогащения [1].

В 90-х гг. XX в. произошел тотальный распад государственных институтов СССР: были потеряны сложившиеся в социуме политическая культура, формы государственности, характер деятельности, средства и методы управления, потребности экономического развития и т.д. Все эти факторы пережили процесс ресоциализации, т.е. «произошло разрушение ранее принятых ценностей и моделей поведения личности с последующим усвоением ценностей, радикально отличающихся от предыдущих [2].

После распада СССР, когда были разрушены источники легитимности, произошла потеря интересов страны, общества, отдельных граждан. Борьба за власть во время выборных кампаний обществом воспринимается как борьба экономических интересов различных криминальных структур, действующих вопреки интересам общества. В таких политических реалиях, когда государство уклоняется от помощи, нарушается система социальной безопасности, социум переходит к примитивной адаптации. Длительное сохранение ожидания отложенных проблем в социально-экономической жизни социума – опасный сценарий для его развития.

Бытует мнение о том, что найти работу, сравнимую по доходу с выполняемой, – из области фантастики. Особенно это касается Кавказа. При таком насыщении специалистами устроиться на работу и заниматься карьерным ростом даже и думать не приходится. Безработица – самая главная проблема. Родители не могут устроить своих детей хотя бы на мало-мальски оплачиваемую работу. А те рабочие (чиновничьи) места, которые есть, уже заняты представителями различных клановых структур.

С целью определения степени сложности в решении проблем, связанных с трудоустройством граждан-переселенцев, в анкету был включен вопрос: «Как Вы считаете, могут ли граждане-переселенцы устроиться на работу, сравнимую по доходу с выполняемой?» При ответах на данный вопрос мнения респондентов разделились (табл. 2).

Таблица 2

Могут ли граждане-переселенцы устроиться на работу, сравнимую по доходу с выполняемой? (в %)

Код ответа	Варианты ответа	Все опрошенные	Национальность	
			осетины	русские и русскоязычные
1	Да	32,3	36,4	29,5
2	Нет	48,2	46,3	50,0
3	Затрудняюсь ответить	19,5	17,3	20,5

Так, почти половина опрошенных (48,2 %) ответили на данный вопрос отрицательно (46,3 % – осетины, 50,0 % – русские и русскоязычные), т.е. считают, что возможность устроиться на работу, сравнимую по доходу с выполняемой, маловероятна. Почти пятая часть от общего числа опрошенных затруднилась ответить на рассматриваемый вопрос.

Эти трудности объясняются переходом к рыночным методам хозяйствования, возникшей безработицей, недостатком рабочих мест, отсутствием должной квалификации, оплата не эквивалентна выполняемой работе.

При приеме на работу люди сталкиваются с так называемым возрастным барьером, который особенно заметен в некоторых сферах, и в первую очередь, сфере услуг (сотовая связь и т.д.). Получается, в возрасте 40–45 лет устроиться на хорошую работу уже невозможно.

Население поражено социальной аномией и апатией, выражающейся в безразличии не только к судьбе окружающих, но и к своей собственной, что предопределяет неспособность к активному преодолению обстоятельств для повышения уровня жизни. Такой апатии подвержены практически все этнические группы СКФО. И такое же отношение у людей к своему материальному положению.

Человек должен быть уверен в том, что, прикладывая свои знания и усилия, он будет иметь определенные блага, а это уже зависит от власти, от государства. Но сегодня в стране система функционирует нестабильно и не может давать подобные гарантии. Это привело к тому, что профессиональные качества сегодня особого значения не имеют.

Для личности социальная адаптация носит парадоксальный характер: она разворачивается, как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы. Чем менее выражено в индивиде личностное начало, тем более социальная активность носит характер приспособления к условиям социальной среды. Социальная активность граждан-переселенцев, являясь совокупностью форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой, в конкретный исторический период проявляется в различных сферах.

Полученные ответы на открытый вопрос: «В какие регионы Российской Федерации или зарубежные государства, включая СНГ, Вы бы могли поехать на заработки или постоянное место жительства?» – позволили сделать следующий вывод: отток рабочей силы из республики носит достаточно активный характер. По статистике из 10 граждан за пределы республики ежегодно выезжает 4–5 человек в возрасте до 35 лет, в числе которых велика доля талантливой молодежи.

Миграционное движение в постсоветский период складывалось из нескольких потоков. Это, во-первых, возвращение представителей многих

этносов, в том числе русских, из республик бывшего СССР на историческую родину. Иммиграция на Северный Кавказ обеспечила заметный прирост населения (прежде всего титульных этносов) в республиках. Вторым потоком составили переселенцы из конфликтных зон (азербайджанско-армянский, грузинско-осетинский, грузинско-абхазский и другие конфликты). Третий – экономические мигранты и приток населения пенсионного возраста.

Массовый отток русского населения – типичное явление эпохи Б.Н. Ельцина. На современном Юге России, а также в странах Южного Кавказа наблюдается устойчивый процесс дерусификации: ежегодно из республик Северного Кавказа уезжают тысячи русских. В настоящее время их численность в Северной Осетии за последние 10 лет сократилась на 5,7 %. Молодежь активно реализует возможность получить высшее образование в лучших столичных университетах (реже – за границей). Существенный минус подобной мобильности – большая вероятность невозвращения молодых специалистов в родной регион.

Как правило, мигранты – люди активного, трудоспособного возраста, имеющие достаточную общеобразовательную подготовку. Значительная часть безработных выезжает за пределы республики не на постоянную, а на временную (сезонную) работу. Респонденты хотели и могли бы поехать на заработки или постоянное место жительства главным образом в Москву, Санкт-Петербург, Ставропольский и Краснодарский края, Тюменскую область, Алтайский край. Из зарубежных стран отмечают: Германию, Финляндию, Канаду, Италию, Турцию, Францию, Англию, США, Саудовскую Аравию, Грецию, Испанию... Кроме того, на Юге существуют и большие внутренние миграционные потоки.

Наименее привлекательными, по мнению респондентов, оказались следующие территории: страны Средней Азии, республики Прибалтики, Грузия, Азербайджан, Украина, Армения, арабские и африканские страны, Китай, Япония.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что развитие и укрепление позитивного отношения к религии является конструктивным фактором, способствующим выздоровлению и лучшей социальной адаптации граждан-переселенцев.

Примечания

1. *Арутюнян Ю.В.* Постсоветские нации. М., 1999.
2. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
3. *Дзеранов Т.Е.* Религия осетин и русская культура. Владикавказ, 2006.

4. *Дзуцев Х.В.* Религиозные и межнациональные установки населения республик СКФО РФ: этносоциологический анализ. Кн. 4. М., 2010.
5. *Малашенко А.В.* Ислам для России. М., 2007.
6. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / под общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2009.
7. Социологическая энциклопедия. Т. 1. М., 2003.
8. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.